

ВСЕМИРНАЯ
КЛАССИКА
ПРИКЛЮЧЕНИЙ



Фенимор Купер
ЗВЕРОВОЙ



Иллюстрации Г. Брока



Москва
2018

УДК 821.111-311.3(73)

ББК 84(7Coe)-44

К92

Купер, Джеймс Фенимор.

К92 Зверобой : [пер. с англ.] / Фенимор Купер ; ил. Г. Брока. — Москва : Эксмо, 2018. — 672 с. : ил. — (Всемирная классика приключений).

УДК 821.111-311.3(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-699-72718-6

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Глава I

Есть наслаждение и в дикости лесов.
Есть радость на приморском бреге,
И есть гармония в сем говоре валов,
Дробящихся в пустынном беге.

Я ближнего люблю, но ты,
природа-мать,
Для сердца ты всего дороже!

С тобой, владычица, привык я
забывать
И то, чем был, как был моложе,
И то, чем ныне стал под холодом
годов.

Тобою в чувствах оживаю.
Их выразить душа не знает
стройных слов,
И как молчать об них, не знаю.

Байрон. «Чайльд Гарольд»¹



Обытия производят на человеческое воображение такое же действие, как время. Человеку, много путешествовавшему и много видевшему, кажется, будто он живет на свете давным-давно; чем богаче история народа важными происшествиями, тем скорее приобретает она отпечаток древности. Иначе трудно объяснить тот весьма почтенный облик, который уже успели приобрести летописи Америки. Когда мы мысленно обращаемся к первым дням колониальной истории, период этот кажется далеким и темным; тысячи перемен отодвигают рождение нации к эпохе столь отдаленной, что она как бы теряется во мгле времен. А между тем четырех

¹ Перевод К.Н.Батюшкова.

жизней средней продолжительности было бы достаточно, чтобы передать из уст в уста в виде преданий все, что цивилизованный человек совершил в пределах нашей республики. Хотя в одном только штате Нью-Йорк жителей больше, чем в любом из четырех самых маленьких европейских королевств и во всей Швейцарской конфедерации, прошло всего лет двести с тех пор, как голландцы, основав свои первые поселения, вывели этот край из состояния дикости. То, что кажется таким древним благодаря множеству перемен, становится знакомым и близким, как только мы начинаем рассматривать его во временной перспективе.

Этот взгляд в прошлое должен несколько ослабить удивление, которое иначе мог бы почувствовать читатель, рассматривая изображаемые нами картины, а некоторые добавочные пояснения воскресят в его уме те условия жизни, о которых мы хотим здесь рассказать. Исторически вполне достоверно, что всего сто лет назад такие поселки на берегах Гудзона¹, как, например, Кливерак, Киндерхук и даже Покипси², не считались застрахованными от нападения индейцев. И на берегах той же реки, на расстоянии мушкетного выстрела от верфей Олбани³, еще до сих пор расположена резиденция младшей ветви Ван-Ренселлеров⁴, с бойницами, проделанными для защиты от того же

¹ Гудзон — большая река, берущая начало в Эдирондеских горах и впадающая в Нью-Йоркский залив. Получила свое имя в честь английского мореплавателя Генри Гудзона, который в 1609 году поднялся по реке до места, где стоит город Олбани.

² Покипси — город на берегу реки Гудзон (в ее нижнем течении). Основан голландцами в 1690 году.

³ Олбани — один из старейших городов США. Основан голландцами в 1623 году на берегу реки Гудзон. Столица штата Нью-Йорк.

⁴ Ван-Ренселлеры — крупные землевладельцы голландского происхождения. Обосновались недалеко от города Олбани еще в 1630 году.

коварного врага, хотя постройка эта относится к более позднему периоду. Такие же памятники детства нашей страны можно встретить повсюду в тех местах, которые ныне слывут истинным средоточием американской цивилизации. Это ясно доказывает, что все наши теперешние средства защиты от вражеского вторжения созданы за промежуток времени, немногим превышающий продолжительность одной человеческой жизни.

События, изложенные в этой повести, происходили между 1740 и 1745 годами. В то время были заселены только четыре графства колонии Нью-Йорк, примыкающие к Атлантическому океану, узкая полоса земли по берегам реки Гудзон от устья до водопадов вблизи истока, да несколько областей по рекам Мохаук¹ и Шохери². Широкие полосы девственных дебрей пересекали берега Мохаука и простирались далеко в глубь Новой Англии³, скрывая в лесной чаще обутого в бесшумные мокасины⁴ туземного воина, шагавшего по таинственной и кровавой тропе войны. Если бы взглянуть с птичьего полета на всю область к востоку от Миссисипи, взору наблюдателя представилось бы необъятное лесное пространство, окаймленное близ морского берега сравнительно узкой полосой обработанных земель, усеянное сверкающими поверхностями озер и пересеченное извивающимися линиями рек. На фоне этой грандиозной картины уголок страны, который мы здесь хотим изобразить, показался

¹ Мохаук – приток реки Гудзон, впадающий в нее несколько севернее города Олбани.

² Шохери – приток реки Мохаук.

³ Новая Англия – область в северо-восточной части США, прилегающая к Атлантическому океану. Она раньше всего была колонизована переселенцами из Англии.

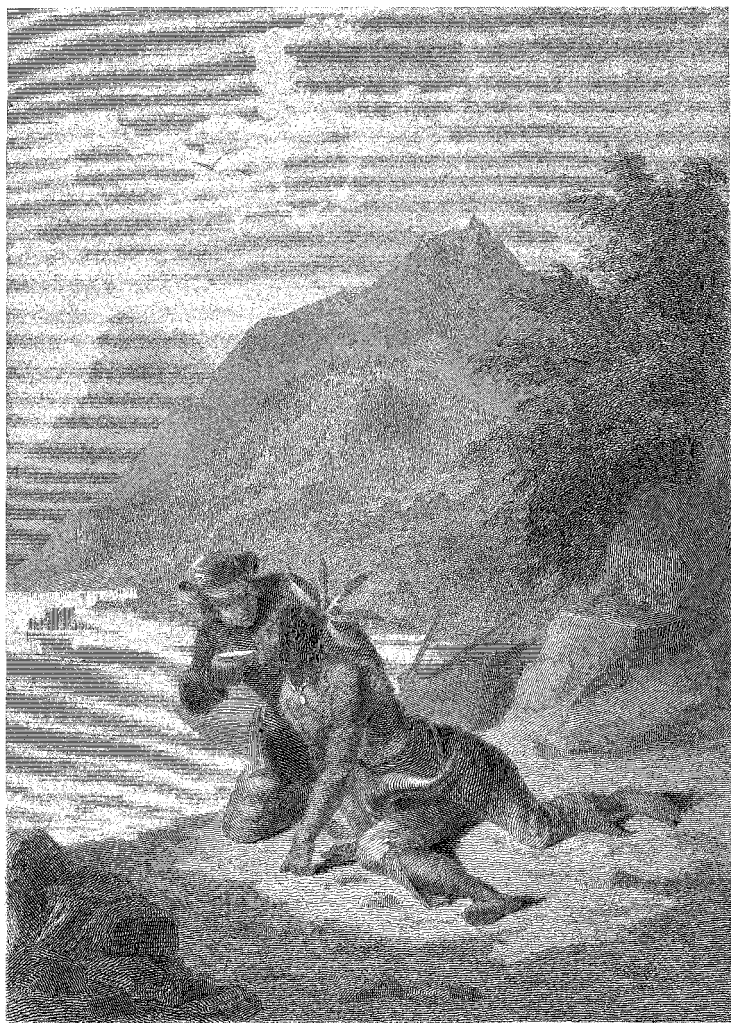
⁴ Мокасины – индейская обувь из кожи, украшенная бисером, мехом и кусочками цветного сукна.

бы весьма незначительным. Однако мы будем продолжать наше описание в уверенности, что более или менее точное изображение одной части этой дикой области даст достаточно верное представление о ней в целом, если не считать мелких и несущественных различий.

Каковы бы ни были перемены, производимые человеком, вечный круговорот времен года остается неизменным. Лето и зима, пора сева и пора жатвы следуют друг за другом в установленном порядке с изумительной правильностью, предоставляя человеку возможность направить высокие силы своего всеобъемлющего духа на познание вечных законов, которыми управляется это бесконечное однообразие. Столетиями летнее солнце обогривало своими лучами вершины благородных дубов и сосен и посылало свое тепло даже скрывающимся в земле упорным корням, прежде чем послышались голоса, перекликавшиеся в чаще леса, лиственный покров которого купался в ярком блеске безоблачного июньского дня, в то время как стволы деревьев в сумрачном величии высились в окутывавшей их тени. Голоса звучали неодинаково и, очевидно, принадлежали двум мужчинам, которые сбились с пути и пытались найти потерявшуюся тропинку. Наконец торжествующее восклицание возвестило об успехе поисков, и затем какой-то человек гигантского роста выбрался из лабиринта мелких болот на поляну, образовавшуюся, видимо, частично от опустошений, произведенных ветром, и частично под действием огня. Отсюда хорошо было видно небо. Сама поляна, сплошь заваленная стволами деревьев, раскинулась на склоне одного из тех высоких холмов или небольших гор, которыми пересечена почти вся эта местность.

— Здесь можно перевести дух! — воскликнул лесной житель, очутившись под открытым небом и отряхива-

ЗВЕРОБОЙ



ясь всем своим огромным телом, как большая дворняга, выбравшаяся из снежного сугроба. — Ура, Зверобой! Наконец-то мы видим дневной свет, а там и до озера недалеко.

Едва только прозвучали эти слова, как второй обитатель леса раздвинул болотные заросли и тоже вышел на поляну. Наскоро приведя в порядок свое оружие и истрепанную одежду, он присоединился к товарищу, уже расположившемуся на привале.

— Ты знаешь это место? — спросил тот, кого звали Зверобоем. — Или ты закричал просто потому, что увидел солнце?

— И то и другое, парень, и то и другое! Я узнаю это местечко и совсем не жалею, что опять увидел такого верного друга, как солнце. Теперь у нас снова все румбы компаса перед глазами, и мы сами будем виноваты, если еще раз заплутаем. Пусть меня больше не зовут Гарри Непоседа, если это не то самое местечко, где прошлым летом разбили свой лагерь и прожили целую неделю охотники за землей¹. Вот сухие ветви их шалаша, а вот и родник. Нет, малый, как ни люблю я солнце, я не нуждаюсь в нем, чтобы знать, когда наступает полдень: мое брюхо не уступит любым часам, какие только можно найти в Колонии², и оно уже прозвонило половину первого. Итак, развяжи котомку, и подкрепимся для нового шестичасового похода.

После этого совета оба занялись необходимыми приготовлениями к своей, как всегда, скромной, но

¹ «Охотниками за землей» называли в те времена людей, бродивших по девственным лесам Северной Америки в поисках плодородной земли. Найдя подходящий участок, «охотник за землей» вырубал и выжигал на нем лес и распахивал его. Собрав несколько урожаев, «охотник» забрасывал этот участок и вновь принимался бродить по лесу в поисках плодородных, не истощенных посевами земель.

² К о л о н и я — то есть столица колонии Олбани.

обильной трапезе. Мы воспользуемся перерывом в их беседе, чтобы дать читателю некоторое представление о внешности этих людей, которым суждено играть немаловажные роли в нашей повести. Трудно встретить более благородный образчик цветущего мужества, чем тот из путников, который назвал себя Гарри Непоседа. Его настоящее имя было Генри Марч; но так как обитатели пограничной полосы заимствовали у индейцев обычай давать людям всевозможные клички, то прозвище Непоседа чаще применялось к нему, чем его подлинная фамилия. Нередко также называли его Гарри Торопыга. Обе эти клички он получил за свою стремительность, опрометчивость, резкие манеры и за чрезвычайную подвижность, заставлявшую его вечно скитаться с места на место, почему его знали во всех поселках, разбросанных между британскими владениями и Канадой¹. Шести футов четырех дюймов² ростом, Гарри Непоседа был при этом очень пропорционально сложен, и его физическая сила вполне соответствовала гигантской фигуре. Лицо — под стать всему остальному — было добродушно и красиво. Держался он очень непринужденно, и хотя грубость пограничного быта неизбежно сказывалась в его обхождении, величаявая осанка огромного тела сглаживала вульгарность его манер.

Зверобой, как Непоседа называл своего товарища, и по внешности и по характеру был человек совсем иного склада. Около шести футов ростом, он выглядел сравнительно худым и тщедушным, хотя все движения его выражали чрезвычайную ловкость, если не чрезвычайную силу. Его молодое лицо было не осо-

¹ Канадой называли тогда французские поселения на реке Святого Лаврентия. Теперь Канадой называют огромную британскую самоуправляющуюся колонию.

² То есть 190 сантиметров.

бенно красиво и только выражением своим подкупало всякого, кто брал на себя труд взглянуть в него более внимательно. Выражение его, свидетельствовавшее о простосердечии, безусловной правдивости, серьезности намерений и искренности чувств, было поистине замечательно.

Сначала даже могло показаться, что за простодушной внешностью скрывается затаенная хитрость, однако при ближайшем знакомстве это подозрение тотчас же рассеивалось.

Оба пограничных жителя были еще очень молоды. Непоседе едва исполнилось лет двадцать шесть — двадцать восемь, а Зверобой был и того моложе. Одежда их не заслуживает особого внимания; надо только заметить, что она была сшита главным образом из оленьих шкур — явный признак того, что ее владельцы проводили жизнь в бесконечных лесах, на самой окраине цивилизованного общества. Тем не менее в одежде Зверобоя чувствовалась забота о некотором щегольстве и живописности, особенно заметная на оружии и снаряжении. Его карабин находился в полной исправности, рукоять охотничьего ножа была покрыта изящной резьбой, роговая пороховница украшена подобающими эмблемами и насечкой, а ягдташ обвит индейским вампумом¹. Наоборот, Гарри Непоседа, по врожденной ли небрежности или из тайного сознания, что его наружность не нуждается в искусственных прикрасах, был одет коекак, словно выражая этим свое презрение ко всяким побрякушкам.

— Эй, Зверобой, принимайся за дело и докажи, что у тебя делаварский желудок, если ты говоришь, что тебя

¹ Вампум — связка из раковин, сочетания которых образуют геометрические фигуры. Эти геометрические фигуры имели смысловое значение. Вампумы являлись своеобразными памятными знаками и служили иногда для передачи сообщений.

ЗВЕРОВОЙ

воспитали делавары!¹ — крикнул Непоседа и подал пример товарищу, запихав себе в рот такой кусок дичины, какого хватило бы европейскому крестьянину на целый обед. — Принимайся, парень, и докажи этой лани свое мужество зубами, как ты уже доказал его ружьем.

— Нет, нет, Непоседа, немного мужества надо, чтобы убить лань, да еще в эту пору. Вот уложить тигровую кошку или пантеру² — это дело, — возразил Зверобой, готовясь последовать совету товарища. — Делавары дали мне прозвище не за отважное сердце, а за зоркий глаз и проворные ноги. Охотиться на оленя, конечно, еще не значит быть трусом, но для этого не нужно и особой храбрости.

— Делавары сами не герои, — невнятно пробормотал Непоседа, у которого был полон рот. — Иначе проклятые бродяги минги³ не превратили бы их в баб.

— Этого дела никто толком не знает и не понимает, — сказал серьезно Зверобой, который мог быть таким же надежным другом, как его товарищ — опасным врагом. — Минги наполнили все леса своей ложью и кривотолками. Я прожил с делаварами десять лет и знаю, что, если дойдет до драки, они не уступят в храбрости всякому другому народу.

¹ Делавары, или ленни-ленапе, как они себя сами называли, — индейское племя, населявшее в XVII–XVIII веках долину реки Делавар (между реками Гудзон и Саскуиханна) и побережье Атлантического океана до нынешней Северной Каролины. Они создали могучий союз племен, борющийся с гуронским племенным союзом. Делавары по большей части выступали союзниками англичан, в то время как гуроны были в союзе с французами.

² Пантер в Америке нет, но европейские колонисты часто называли пантерой пуму, или кугуара.

³ Минги — одно из прозвищ гуронов, могучего племени, входившего в ирокезский племенной союз и жившего в XVIII веке по берегам озер Онтарио и Гурон и реки Святого Лаврентия. Гуроны вели длительную борьбу с делаварами. Во время англо-французских войн они поддерживали французов.

— Слушай, мастер Зверобой, раз уж мы об этом заговорили, то почему бы нам не открыться друг другу, как мужчина мужчине? Ответь мне на один вопрос. Тебе так везло на охоте, что ты даже прославился в этом деле. Но подстрелил ли ты хоть разок человека? Случалось ли тебе целиться во врага, тоже способного спустить курок?

Этот вопрос вызвал в груди юноши своеобразную борьбу между ложным стыдом и добросовестностью. Чувства эти отразились на его простодушной физиономии. Борьба длилась, впрочем, недолго. Сердечная прямота восторжествовала над гордостью и бахвальством.

— По совести говоря, ни разу, — ответил Зверобой, — потому что для этого не представлялось подходящего случая. Делавары жили в мире со всеми соседями, пока я гостил у них, а я считаю, что человека можно лишить жизни только во время открытой законной войны.

— Как? Неужели ты ни разу не накрыл с поличным какого-нибудь парня, воровавшего у тебя шкуры или дичь из капканов? Неужто ты не расправился с ним по-свойски, чтобы избавить соседей от хлопот, а виновного от судебных издержек?

— Я не траппер¹, Непоседа, — ответил юноша гордо. — Я добываю себе на жизнь карабином и владею им так, что не уступлю в этом ни одному мужчине моих лет между Гудзоном и рекой Святого Лаврентия. Я никогда не продавал ни одной шкуры, в голове которой не было бы еще одной дыры, кроме созданных самой природой для зрения и дыхания.

— Ай, ай, все это хорошо на охоте, но никуда не годится там, где речь идет о скальпах и засадах! Подстре-

¹ Траппером называют в Америке человека, добывающего пушных зверей с помощью капканов и ловушек.

ЗВЕРОБОЙ

лить из засады индейца — это значит воспользоваться его собственной любимой уловкой. К тому же у нас теперь законная, как ты говоришь, война. Чем скорее ты смоешь это пятно со своей совести, тем спокойнее будешь спать хотя бы от сознания, что по лесу бродит одним врагом меньше. Я недолго буду водить с тобой компанию, друг Нэтти, если ты не найдешь зверя немного выше четырех футов росту, чтобы попрактиковаться в стрельбе.

— Наше путешествие близится к концу, мастер Марч, и если хочешь, мы расстанемся сегодня же вечером. Меня в здешних местах поджидает приятель, который не погнушается человеком, еще не убившим никого из своих ближних.

— Хотел бы я знать, что привело сюда этого прониру делавара в такое раннее время года? — пробормотал Непоседа с видом, одновременно выражавшим и недоверие и пренебрежение. — И где, говоришь ты, молодой вождь назначил тебе свидание?

— У маленькой круглой скалы, на озере, где, как мне говорили, индейские племена сходятся, чтобы заключать договоры и закапывать в землю свои боевые топоры. Об этой скале я часто слышал от делаваров, хотя мне самому и озеро и скала совершенно незнакомы. Этой страной сообща владеют минги и могоккане¹; в мирное время оба племени охотятся здесь и ловят рыбу, но одному богу известно, что должно здесь твориться во время войны.

— Сообща! — воскликнул Непоседа, громко расхохотавшись. — Хотелось бы мне знать, что скажет на это Плавучий Том — Хаттер. Он считает озеро своей собственностью по праву пятнадцатилетнего бесспорно-

¹ Могоккане — индейское племя, жившее в нижнем течении Гудзона. Могоккане входили в племенной союз делаваров. Племя это вымерло целиком.